

ИДЕАЛЬ ОФИЦЕРА.

«Нація можетъ существовать нѣкоторое время безъ идеала, но исторія намъ показываетъ, что при такихъ условіяхъ жизнь ея недолговѣчна».

Ле-Бонъ.

Ѣмь болѣе это можно сказать про армію—скелетъ націи, и еще болѣе про офицерскій составъ—душу арміи.

Идеаль націи—счастіе, благополучіе, процвѣтаніе ея и всѣхъ ея членовъ.

Идеаль арміи—сила, могущество, способное защитить свою націю, свою родину, обезпечить ей спокойное существованіе, культурное развитіе, возможное благополучіе, счастіе.

Идеаль офицера—нынѣ долженъ бы быть несравненно выше идеала средневѣковаго рыцаря. Нынѣшній офицеръ не можетъ ограничиться ролью и качествами рыцаря: личнымъ участіемъ въ бояхъ и сраженіяхъ, личной храбростью и безстрашіемъ, самообладаніемъ, презрѣніемъ къ смерти, благородствомъ, защитой слабыхъ и отреченіемъ отъ личнаго счастія и личныхъ удобствъ во имя тѣхъ идей, которымъ онъ служить.

Идеаль нынѣшняго офицера—не только самому быть такимъ рыцаремъ «безъ страха и упрека», но, что, безъ всякаго сравненія,

труднѣе и выше, имѣть силу и умѣніе перерабатывать въ такихъ же рыцарей и въ вѣрныхъ защитниковъ Престола и родины свой народъ, въ лицѣ его сыновъ, ввѣряемыхъ на нѣсколько лѣтъ офицеру для созданія арміи.

Вполнѣ понятно, что не только достиженіе такого идеала, но одна мысль и стремленіе къ достиженію служили бы залогомъ счастливой будущности, давали бы величайшій смыслъ офицерской службѣ и подняли бы престижъ офицера на недосягаемую высоту.

Сознаніе необходимости такого идеала вполнѣ выяснило бы и опредѣлило—чего можно и надо требовать отъ офицера въ конечномъ результатѣ.

Ясное пониманіе этого идеала опредѣленно указало бы тѣмъ, кто взялъ на себя высокую миссію подготовки будущихъ офицеровъ, направленіе, куда слѣдуетъ обратить духовный и умственный взоръ ихъ питомцевъ, указало бы на обязанность воспитателей научить будущихъ офицеровъ сознательно держаться этого идеала, какъ держится путникъ въ пустынь — полярной звѣзды...

Но я боюсь вопроса: «къ чему все это?» и потому перейду къ причинѣ, побудившей меня затронуть данную тему. Чтобы не быть ложно истолкованнымъ, сдѣлаю небольшую оговорку: я врагъ всякаго нытья, пессимизма, неопредѣленныхъ положеній, особенно въ нашей военной жизни, врагъ безнадежнаго анализа и діагноза, и если и буду говорить о печальныхъ явленіяхъ, то только потому, что считаю ихъ не безнадежно непоправимыми; я вѣрю въ могучую силу духа, присущую русскому народу, которая побѣдитъ свой внутренній недугъ, разъ послѣдній будетъ ясно опредѣленъ, разъ ему будетъ поставленъ правильный діагнозъ...

Грозные симптомы отсутствія идеаловъ проявились прежде всего въ участвовавшихъ случаяхъ самоубійствъ, которыя только и можно объяснить отсутствіемъ идеаловъ: «отъ дальнѣйшей жизни не жду ничего хорошаго; дѣлать больше нечего, да и не стоитъ; не стоитъ и жить!»

Говорятъ и пишутъ: «причина самоубійства—романическая», или: «надоѣло жить», или: «плохая отмѣтка», «растрата» и т. п... Нѣтъ, причина—отсутствіе истинной опоры жизни—идеала. Все остальное—лишь поводы: неокрѣпшей душѣ не только не указана настоящая путеводная звѣзда жизни—идеаль, но, напротивъ, воспитатели и въ особенности литература навязываютъ ей, вмѣсто настоящаго идеала, красиво раскрашенный призракъ матеріаль-

наго счастья или же вообще, на пытливые запросы души: «что я могу сдѣлать полезнаго въ жизни?», начинаютъ разсказывать про всѣ отрицательныя стороны жизни: паденія, проституцію, измѣны женъ и мужей, охоту за женами товарищей, друзей, про злодѣйства, убійства, жизнь каторжниковъ, про свои разочарованія въ жизни, сомнѣнія, отрицанія всего существующаго...

Что же удивительнаго, если молодой человѣкъ, не получившій правильнаго понятія о болѣе высокомъ, о лучшемъ въ жизни и считающій главнѣйшимъ ея смысломъ, напримѣръ, женщинъ, чины, богатство и т. п., стрѣляется при первой же неудачѣ въ стремленіи за суррогатами жизненнаго идеала.

Я глубоко увѣренъ въ томъ, что, если бы будущіе офицеры проникались и сознавали все величіе своей задачи, какъ воспитателей народа, сѣятелей въ немъ культуры, прогресса и нравственности, какъ создателей арміи—охранительницы процвѣтанія и благополучія народа, то многимъ грустнымъ драмамъ въ періодъ ихъ молодости не было бы мѣста.

Обращаясь къ хроникѣ самоубійствъ, можно придти къ логическому выводу, что присущая русскимъ національная черта характера—чувство долга, доходящее подчасъ до самопожертвованія, не только не развивается воспитаніемъ, но какъ будто глушится... Ни въ кадетскихъ корпусахъ, ни въ военныхъ училищахъ, не видно той воспитательной работы, которая создавала бы идеаль офицера на началахъ національнаго самосознанія и національной гордости. Мнѣ не привелось ни видѣть ни слышать, чтобы въ названныхъ заведеніяхъ имѣло мѣсто что либо похожее на то, чему я былъ свидѣтелемъ еще въ 70-хъ годахъ, наблюдая за играми учениковъ приходскаго народнаго училища въ одномъ изъ самыхъ захолустныхъ уѣздныхъ городовъ нашихъ западныхъ губерній. Въ этихъ играхъ, гдѣ принимали участіе разношерстные по національности мальчуганы, «русскій» былъ синонимомъ побѣдителя и поэтому никогда не долженъ былъ сдаваться, какими бы суровыми мѣрами его ни понуждали къ тому. Дѣти необычайно интересовались всѣмъ военнымъ и я помню, какъ офицеръ представлялся имъ по званію выше всякихъ другихъ чиновъ въ любой профессіи и рисовался ихъ воображенію особенно увлекательнымъ идеаломъ.

Далеко не такой бодростью и свѣжестью во взглядахъ на жизнь, на будущую дѣятельность офицера, на національное самолюбіе, вѣтъ въ кадетскихъ корпусахъ и военныхъ училищахъ: чтеніе и

даже обязательное изученіе Печориныхъ, Базаровыхъ, Марковъ, Левиныхъ, Пьеровъ Безуховыхъ, и прочихъ «типовъ» *духа* праздности, унынія, сомнѣнія, невѣрія, апатіи, безволія и шатанія, а главное всеобщаго отрицанія, — изученіе не *для психологіи*, а *вмѣсто психологіи*, изученіе якобы для познанія жизни, въ лучшемъ случаѣ, «литературы для литературы», — все это мало благопріятствуетъ зарожденію и развитію истинныхъ идеаловъ, истинной цѣли, истиннаго смысла ея въ будущемъ офицерскомъ званіи. Да и внѣ книгъ никто не заботится о внушеніи идеаловъ національнаго геройства, идеаловъ службы офицеровъ... Нѣтъ заботы о складывающемся міровоззрѣніи; вмѣсто этого, лишь для настоящаго момента, показныя стороны: послушаніе, дисциплина, зубрежка; зубрежка даже подвиговъ, теряющихъ для юнцовъ свою прелесть именно благодаря обязательному заучиванію.

Взгляните на обученіе потѣшныхъ, на программы обученія: тамъ все есть для того, чтобы можно было поскорѣе хвастнуть обученіемъ потѣшныхъ, какъ «настоящихъ солдатъ»; одного только нѣтъ: внушенія національнаго и воинскаго идеаловъ; не видно и пониманія психологіи русскаго народа и дѣтской... И уже много юношей и дѣтей охладѣло и даже получило отвращеніе къ «потѣшной организаціи» изъ-за неразумнаго, *не рассчитывающаго будущиѣхъ послѣдствій* усердія гимназическаго и училищнаго начальства, насильно обязывающаго поступать въ потѣшные поды угрозю «воздѣйствія»...

Вторымъ симптомомъ отсутствія идеала русскаго офицера можно считать — нелестное мнѣніе о корпусѣ офицеровъ въ средѣ самихъ же офицеровъ, а также недостатокъ солидарности среди офицеровъ.

Тоже грозный симптомъ, особенно если сравнить «вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій». 20—25 лѣтъ тому назадъ офицеры уступали современнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, но прежде болѣе дорожили высотой своего офицерскаго званія нежели теперь. Въ доказательство я приведу то, что слышалъ лично самъ раньше и теперь. Болѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось быть съ однимъ старымъ офицеромъ въ одномъ изъ ресторановъ; вдругъ мы слышимъ слова лакея: «вотъ такъ офицеръ, ушелъ, не заплативши!» Передъ этимъ, дѣйствительно, вышелъ одинъ офицеръ. Мой компаньонъ, точно ужаленный, накинулся на лакея, говоря, что офицеръ не можетъ не заплатить; забылъ сегодня, уплатитъ завтра. Но,

чтобы не было разговора, мой компаньонъ самъ уплатилъ за забывшаго офицера. И вообще прежде я часто слыхалъ фразу: «такихъ (скверныхъ) вещей офицеръ сдѣлать не можетъ», хотя, повторяю, прежде нравственный уровень офицеровъ былъ не выше нынѣшняго. Въ настоящее же время сами офицеры не стѣсняются говорить гдѣ бы то ни было: «э, и среди офицеровъ всякіе бываютъ!» и любезно учатъ кредиторовъ офицера черезъ кого понажать на него.

Именно въ этихъ, къ несчастію, нерѣдкихъ отзывахъ самихъ офицеровъ объ офицерахъ же и заключается ужасъ потери идеала офицера и пагубныхъ послѣдствій этой потери—допущенія мысли, что «всякіе» среди нихъ не исключеніе, не ошибка, не преступники, а какъ будто обыкновенное явленіе въ большой семьѣ офицеровъ; что надо быть осторожнымъ, имѣя дѣло и съ офицеромъ.

Эта пагубная мысль за послѣдніе десятка два лѣтъ все болѣе и болѣе распространяется, какъ и мысль, что офицеръ—тотъ же цеховой ремесленникъ, занявшійся этимъ ремесломъ только ради куска хлѣба; что дѣятельность офицера нисколько не выше, напротивъ, стала ниже дѣятельности любой—не военной. Поэтому, если офицеръ находитъ мѣстечко, напримѣръ, въ частномъ банкѣ съ содержаніемъ, превышающимъ офицерское, то говорятъ, что онъ счастливецъ; не говоря ужъ про должности гражданскаго вѣдомства съ будущностью и положеніемъ...

Но что особенно характеризуетъ неважное мнѣніе объ офицерахъ это—наставленія, напоминанія, инструкціи, просьбы о томъ, какъ... долженъ вести себя офицеръ. Такъ, въ одномъ изъ очень большихъ городовъ, я былъ свидѣтелемъ, какъ офицеры (въ томъ числѣ полковники и подполковники—сами командиры частей), выстроившись въ шеренгу, слушали «просьбу» коменданта о соблюденіи формы, о томъ, чтобы не заводить фуражекъ съ большими днищами и маленькими козырьками, «которые носятъ только мастеровые и революціонеры» (здѣсь, конечно,—повышеніе голоса), «просьбу» о привѣтствіи между собою и «просьбу» о непосѣщеніи нѣкоторыхъ мѣстъ. Вполнѣ понятно, что эти офицеры, въ томъ числѣ полковники и подполковники, какъ требующіе подтвержденія или «просьбы» о соблюденіи формы, правилъ отданія чести, привѣтствія и общаго благонравія, не удостоились поданія руки...

О томъ, насколько это недалеко видно въ дѣлѣ воспитанія офицерства объясненій не надо. Хотя, конечно, для комендантовъ не

выгодно, но пусть лучше было бы нѣсколько отдѣльныхъ нарушеній въ формѣ и благонаравіи (и тогда легче избавиться отъ уклоненій отъ идеала офицера), чѣмъ унижать достоинство и самое званіе офицера обиднымъ и незаслуженнымъ наставленіемъ даже полковникамъ о соблюденіи формы и благонаравія...

* *
*

Переходя къ вопросу объ отсутствіи солидарности, надо отмѣтить, что необходимость таковой среди всѣхъ офицеровъ русской арміи нынѣ очень мало или, вѣрнѣе, почти совсѣмъ не сознается даже официально. Все болѣе и болѣе говорятъ, вмѣсто: «я русский офицеръ», «я—гвардеецъ», «я—кавалеристъ», «я—артиллеристъ», «я—гусарь, уланъ, кирасиръ», «я—инженеръ», «я—такого-то славнаго полка». То-есть: офицеры—не строители одной арміи, не воспитатели одного русскаго народа въ лицѣ ежегодно призываемыхъ его сыновъ, а какъ будто просто представители разныхъ специальностей, разныхъ даже службъ, полковъ, обязанные солидарностью только со своими однополчанами.

Особенно блестящимъ доказательствомъ отсутствія солидарности во всемъ корпусѣ офицеровъ русской арміи и признанія необходимости такой солидарности только для отдѣльныхъ частей или только для разныхъ специальностей можетъ служить выраженное не такъ давно въ печати недовольство апостоловъ преимущественнаго возвеличенія «пѣхоты» и негодованіе, что пѣхотный (?) мундиръ дается *«всякому»*...

Не до солидарности тутъ, когда допускаютъ мысль и даже говорятъ и пишутъ, что русский офицеръ можетъ быть *«всякимъ»* (я не привожу другихъ эпитетовъ, еще болѣе недопустимыхъ).

Эти апостолы дошли до апогея и стали утверждать, что офицеры пѣхоты должны быть «въ нравственномъ и умственномъ отношеніи выше, чѣмъ во всѣхъ другихъ родахъ войскъ»... Когда же я въ своемъ возраженіи выразилъ удивленіе, почему въ одной пѣхотѣ, а не во всей арміи, офицеры должны быть одинаково высоки въ умственномъ и нравственномъ отношеніи и привелъ примѣръ изъ одной басни, какъ опасно считается частямъ одного организма (руки, ноги, глаза, уши и пр.) между собой, то, несмотря на то, что въ той и

въ предыдущихъ моихъ статьяхъ проводился взглядъ о единствѣ арміи и о вредѣ «удѣльныхъ ея княжествъ», на меня обрушился г. Морозовъ, доказывая, что пѣхота, какъ голова организма, и должна главенствовать. Эти выпады съ требованіемъ покорности пѣхотѣ интересны, какъ образчикъ уродливаго искаженія принципа солидарности въ дѣйствіяхъ всѣхъ частей арміи вообще и въ дѣятельности корпуса офицеровъ въ частности, принципа, основаннаго на выводахъ психологіи боя, какъ это выражено Арданомъ дю Пикъ ¹⁾: «Чувства солидарности, довѣрія, не могутъ возникать вдругъ; они зарождаются въ людяхъ только путемъ близкаго ознакомленія другъ съ другомъ. Такое ознакомленіе приводитъ людей къ сознанію ими своей чести, придаетъ ихъ дѣйствіямъ характеръ единодушія. Единодушіе, въ свою очередь, создаетъ у нихъ вѣру въ свою мощь, а эта вѣра придаетъ имъ мужество, т. е. временно заставляетъ ихъ руководствоваться больше волей, чѣмъ инстинктомъ... Итакъ, только солидарность можетъ создать бойцовъ»...

Этотъ то необходимый принципъ солидарности въ дѣйствіяхъ всѣхъ частей арміи у насъ передѣляли въ принципъ дѣйствій неравноправныхъ актеровъ, исполняющихъ свои роли съ абсолютнымъ требованіемъ ансамбля, т. е. полной зависимости ролей другъ отъ друга; руководящими поставлены лишь дѣйствія пѣхоты, которой «второстепенные» роды войскъ только «помогаютъ».

Боясь очень отклониться отъ темы, я не буду входить въ разсмотрѣніе разницы между настоящимъ принципомъ и его искаженіемъ; замѣчу только, въ развитіе темы, что именно этимъ показаннымъ мною искаженіемъ принципа солидарности и вызвана новѣйшая ересь, будто настоящій офицеръ—только пѣхотный офицеръ, остальные же—техники...

Не отзывается солидарностью дѣйствій офицеровъ русской арміи и въ пресловутыхъ спорахъ конной, легкой и крѣпостной артилерій.

Третій симптомъ отсутствія идеала офицера—бѣгство офицеровъ изъ арміи.

---

¹⁾ Очерки психологіи войсковой части и командованія, Гоше. Переводъ А. Будаевского.

Это бѣгство объясняли прежде всего матеріальной необеспеченностью офицеровъ: потому, молъ, послѣдніе и бѣгутъ куда угодно, гдѣ только примуть и больше дадутъ. Но это-то и показываетъ, что не званіе и не высокая задача дѣятельности офицера прельщаютъ послѣдняго, а только нажива, комфортъ жизни, или просто матеріальная выгода любой дѣятельности. Иначе говоря, еще разъ подтверждается отсутствіе идеала офицера.

Здѣсь необходимо коснуться психологіи этого явленія: наши воспитатели юношества, боясь прослыть отсталыми, не хотятъ твердо, опредѣленно и громко говорить о необходимости имѣть армію, какъ защитницу отечества, а слѣдовательно и о необходимости военной службы. Въмѣсто того, они томно роняютъ: «необходимое зло» (а то и просто «зло»), «пушечное мясо» и тому подобныя, ужасныя по послѣдствіямъ и притомъ глубоко несправедливыя, слова. Такія слова дѣйствуютъ удручающимъ образомъ, зарождающа мысль, что военная служба есть орудіе необходимаго зла, и т. д.

Если мы все молчимъ объ идеалѣ офицера, молчатъ и воспитатели юношества, то что же дѣлать молодому человѣку, еще не дошедшему до сознанія, что черезъ тѣхъ солдатъ, которыхъ онъ учитъ, распространяются въ городахъ и селахъ его мысли, его нравственные взгляды, что онъ авторъ и творецъ духовнаго склада русскаго народа и его культуртрегеръ? Откуда ему взять умѣніе отстоять, защитить высокую миссію офицера отъ нападеній, иногда со стороны милыхъ губокъ, съ утвержденіемъ, что не слѣдуетъ быть представителемъ яко-бы «грубой силы», яко-бы орудіемъ не «созиданія и прогресса», а «разрушенія» и т. п.?

И, конечно, если нѣтъ вѣры въ высоту офицерской миссіи, а слѣдовательно нѣтъ и идеала, то только матеріальное обезпеченіе, чины, награды и форма могутъ удержать офицера на военной службѣ; представится что-нибудь повыгоднѣе—и офицеръ безъ идеала, конечно, сбѣжитъ, такъ какъ «рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ—гдѣ лучше»... Будущее такой арміи, гдѣ офицеры не вѣрятъ въ высоту своей миссіи, а удерживаются только формами, деньгами, чинами и орденами, очевидно, не обезпечено, ибо у такихъ офицеровъ на первомъ планѣ будетъ не будущее арміи и народа, не польза дѣла, а достиженіе приманки.

Напрасно забыта Кантовская философія о воспитаніи чувства долга—ради долга; наградами же можно поощрять, но нельзя,

чтобы награды обращались въ содержаніе (какъ это въ дѣйствительности установилось—награжденіе за выслугу опредѣленнаго числа лѣтъ)....

Хотя еще есть и не одинъ симптомъ, указывающій на отсутствіе у насъ идеаловъ, но я кончу на этомъ, такъ какъ имѣлъ цѣлью лишь освѣтить, насколько можно, мысль, выраженную въ эпитаграфѣ, и показать нѣкоторые признаки грознаго для будущности цѣлаго народа отсутствія идеаловъ и отчасти выяснить послѣдствія.

Но я считаю необходимымъ добавить, что можно и не мечтать о *достиженіи* всѣми офицерами идеала, какъ христіане не мечтаютъ о достиженіи божественнаго совершенства Христа, но необходимо его имѣть и не забывать, какъ не забываютъ христіане примѣра христіанскаго совершенства.

Идеаль, какъ религія, даетъ цѣль и смыслъ службѣ офицера, показываетъ направленіе. Идеаль же даетъ истинный критерій о всей службѣ офицера и даже о всемъ корпусѣ офицеровъ; такъ, если солдаты уходятъ со службы развращенными, безъ понятій о нравственности, спившимися, то, конечно, это надо отнести къ винѣ всего корпуса офицеровъ, несознающихъ, что они являются примѣромъ, являются воспитателями нижнихъ чиновъ.... Идеаль заставляетъ думать о будущемъ, о послѣдствіяхъ; отсутствіе идеала—даетъ лишь заботу о настоящемъ. Идеаль устраняетъ обманъ для минутнаго настоящаго. Идеаль даетъ правильное направленіе требованіямъ начальства, выясняя что требуется для пользы службы и что—для одобренія, похвалы высшаго начальства. Идеаль регулируетъ отношенія и создаетъ полную солидарность въ достиженіи этого идеала.

Итакъ, безъ идеала—нація, армія, корпусъ офицеровъ недолговѣчны. Намъ необходимъ идеаль. Да будетъ же идеаломъ русскаго офицера умѣніе дать нашему народу могущественную армію, умѣніе вложить въ подчиненныхъ ту силу духа, бодрость, безстрашіе, самообладаніе, твердость характера, ту любовь къ Царю и родинѣ, наконецъ, то «рыцарство безъ страха и упрека», которыми офицеръ и самъ старается обладать.

Но для полной солидарности дѣятельности всѣхъ офицеровъ одной русскаго арміи необходимо, чтобы этотъ идеаль былъ общимъ. Этимъ установится и полная солидарность службы и всѣхъ полковъ и частей войскъ.

И идеаль и даже «традиціи» — должны быть одни и тѣ же для всей русской арміи, такъ какъ ненормально, чтобы то, что считается хорошимъ для одного полка или части войскъ, было бы нехорошимъ или безразличнымъ для другого полка или части войскъ; особенно по вопросамъ «нравственнаго элемента» и службы.

А. Дмитревскій.

